

но и ответчиком и судьей.

Идея разделения властей, исторически явившаяся спасением от этой коллизии, довольно успешно справляется со своей задачей. Но все это лишь до тех пор, пока власть в целом — доброжелательна (поскольку мы говорим о суверенном государстве, в отношении которого не существует никакого источника внешнего принуждения для разрешения этих конфликтов, ничто, кроме внутренней целесообразности, не может обеспечить эту доброжелательность).

Нельзя исключать, что в условиях кризиса у государства возникнет искушение еще более диверсифицировать ответственность за негативные явления в стране, еще более раздробить зоны этой ответственности, делегируя частичные властные полномочия не готовым к их принятию (ни нравственно, ни по уровню своей квалификации) государственным

институтам. И все это начнет происходить на фоне одновременного перехода государства в режим меньшей доброжелательности по отношению к добровольному исполнению собственных законов и норм — этому запросто может способствовать непрерывный упор в л е н ч е с к и й стресс и тающие ресурсы. Результатом подобного срыва окажется разбалансировка наличной системы «сдержек и противовесов» при одновременной закупке каналов, по которым пока еще

курсируют вверх сигналы озбоченности, а вниз — сигналы к разрешению конфликтов. ■

«Голубь»

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ КРАТОКРАТИИ (ГЛОБАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ)?

Андрей Фурсов

Андрей Фурсов — директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета

В 1991–1992 гг. я опубликовал работу «Кратократия (социальная природа советского общества)». Кратократия означает «власть власти». Она есть отрицание государственности как таковой, так же, как она есть отрицание классовости и частной собственности: когда государство охватывает (гражданское) общество в целом («государство везде»), оно перестаёт быть государством.

На рубеже 1960–1970-х годов, прежде всего в США, резко активизировали борьбу за выход на первый план новые хищные группы мирового капиталистического класса — корпоратократия. Они стремились играть на нескольких «досках» сразу — свержение правительства Моссадыка в Иране (1953 г.), ползучий переворот в США с устранением братьев Кеннеди и Никсона (1963–1974 гг.), создание Римского клуба (1968 г.) и Трёхсторонней комиссии и т.д. Изначально борьба корпоратократии «за место под солнцем» протекала в неявной форме, будучи элементом других конфликтов — между финансовым капиталом и государством, с одной стороны, и государством и ТНК, с другой. Ситуационно вступая в союз с одним протагонистом против другого, корпоратократия раздвигала финансовый капитал и государство.

В последние два десятилетия XX в. финансовый капитал/корпоратократия подорвали не только нацию-государство, но и другие институты капитализма. Сегодня от сильного капитализма остаются только финансово-рыночные институты/механизмы, доминирующие позиции ко-

торых в глобальной экономике есть результат деятельности финансового капитала и корпоратократии. Однако сегодня их пути расходятся. Устранение господства глобальных финансовых групп и их политических марионеток передаст власть в руки корпоратократии, контролирующей нематериальные факторы производства, и покончит с капитализмом. Но это же будет и конец корпоратократии, и начало второго издания кратократии, в глобально-региональной версии — неократократии.

Место государства займут постгосударственные формы. Именно всемирное правительство, путь к которому, согласно Аттали, лежит через мировую валюту и мировой финансовый кризис, способно создать условия для победы неократократии над финансистами.

Капитализм сегодня движется вперёд в наше коммунистическое/кратократическое прошлое 1930-х годов с его «орденом меченосцев» — ВКП (б). Россия в виде СССР, как это часто бывало, в 1920–1930-е годы забежала вперёд и показала миру кое-что из его будущего. ■